

СЕМАНТИКА

Р.В. Бедзир, О.А. Алимуратов, А.В. Раздубев

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН СЛУЖИТЕЛЕЙ ПРАВОПОРЯДКА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Аннотация. В статье раскрываются структурные и семантические особенности профессиональных жаргонизмов, особенно употребляемых служащими правоохранительных органов. Анализ проводился на материале английских, русских и украинских жаргонизмов, извлеченных методом сплошной выборки из различных печатных и Интернет источников. Обосновывается тезис о том, что использование в российском законодательстве профессиональных жаргонизмов обусловлено различными внешними и внутренними факторами. Проблема искусственной подмены терминологических единиц, терминологии сленгом и жаргонизмами особенно остро встает в сфере именно юридической коммуникации. В ходе работы использовался комплексный метод исследования, объединивший в себе контекстуальный анализ, компонентный анализ морфологической структуры жаргонизмов, метод реконструкции словообразовательных моделей исследуемых единиц, количественной обработки данных. В результате сопоставительного анализа юридического жаргона в английском, русском и украинском языках выявлены общие и отличительные структурные, морфологические и словообразовательные особенности лексических единиц данного класса. Определено, что по параметру структуры преобладают одно- и двухкомпонентные юридические жаргонизмы. Значительное количество многокомпонентных жаргонных единиц обладают признаками фразеологизмов.

Ключевые слова: жаргон, жаргонизм, юридический жаргон, термин, терминосистема, переводческий эквивалент, переводческое соответствие, семантическая модель, тематическая группа, метафора.

Abstract. The article reveals some structural-semantic peculiarities of the professional jargonisms frequently used by police officers. The analysis is carried out based on the material of the English, Russian and Ukrainian jargonisms extracted by the method of continuous selection from different printed and Internet sources. The thesis is substantiated that the use of professional jargonisms in the Russian legislature is conditioned by different external and internal factors. It is the sphere of juridical communication where the problem of the artificial substitution of terminological units, terminology by slang and jargon especially sharply arises. A complex method of the research has been used during the research, it includes the methods of contextual analysis, component analysis of the morphological structure of jargonisms, reconstruction of word-formative models of the lexical units in question, and quantitative processing of data. Some common and distinctive structural, morphological and word-formative peculiarities of lexical units of this class are singled out as a result of the comparative analysis of the juridical jargon in the English, Russian and Ukrainian languages. It is determined that in terms of their structure one- and two-component juridical jargonisms prevail. A large amount of multicomponent jargon units has some characteristics of phraseological units.

Key words: semantic model, translation conformity, translation equivalent, terminological system, term, thematic group, juridical jargon, jargonism, jargon, metaphor.

Публикация выполнена в рамках проектов «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте» при поддержке Российского научного фонда (ФГБОУ ВО «ТГУ им. Г.Р. Державина», проект №15-18-10006, науч. рук. – докт. филол. наук, проф. Н.Н. Болдырев) и «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ на 2014-2016 гг. (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект №3078, науч. рук. – докт. филол. наук, проф. О.А. Алимуратов).

Не секрет, что юридическая система практически любого государства – это нечто большее, нежели чем текст Конституции этого государства, либо же свод действующих законодательных актов. Гарольд Берман совершенно справедливо отмечает, что юридическая система – это, прежде всего, *исторически обусловленный феномен* [1]. Следовательно, можно говорить о том, что лексика юридической сферы в определенной степени репрезентирует особенности исторического развития соответствующей лингвокультуры, которые наиболее рельефно выявляются в процессе сопоставительного изучения структурного и/или семантического своеобразия подсистем юридической лексики. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые значимые особенности профессионального жаргона служащих правопорядка в русском, английском и украинском языках.

Нестабильность современного российского законодательства, неоднозначность трактовок отдельных положений законов и подзаконных актов негативно отражаются и на активно формирующейся понятийно-терминологической системе российского права. Если раньше при анализе языка законов советского времени многие исследователи отмечали присутствие в этих документах значительного числа канцеляризованных, тяжеловесных аббревиатур и других особенностей, свойственных социалистической эпохе развития нашего общества [см., в частности: 2; 1], то сейчас на первый план выходят совершенно иные проблемы. В настоящее время при изучении и устного, и письменного юридического текста мы наблюдаем нивелирование сложившихся веками канонов классического русского языка. Этому способствует достаточно активное проникновение в русскоязычную лексику целого ряда единиц, которые являются кальками иностранных терминов, возведение в ранг обычной, повседневной лексики элементов тюремного сленга, активное использование жаргонизмов и целый ряд других обстоятельств. Все это не могло не сказаться и на языке законодательных актов. В настоящее время уже можно с уверенностью констатировать факт наличия в понятийно-терминологической системе российского законодательства особого юридического жаргона [3, с. 28].

Кратко обозначим некоторые основные теоретические положения, из которых мы исходим в настоящем исследовании. Жаргон в данной статье трактуется как социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно пересмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон маркирует социальную и профес-

сиональную принадлежность групп людей, объединяемых общностью профессиональных интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п. (например, жаргон моряков, летчиков, спортсменов, музыкантов, учащихся, актеров) [4, с. 129; см. также: 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.]. В социолингвистической традиции в отдельную разновидность принято выделять корпоративные жаргоны.

Под групповыми (корпоративными) жаргонами обычно понимаются социально детерминированные разновидности национального языка, основанные на моделях стратификации общества как по горизонтали, так и по вертикали. Это лексика, рекуррентно употребляемая людьми, занимающимися той или иной деятельностью, имеющими продолжительный профессиональный контакт, зачастую ощущающими себя в какой-то мере отделенными от остальных членов общества [см.: 11, с. 79; 12, с. 73] и др. Такие лексические подсистемы возникают не в силу объективной потребности аккумулировать и транслировать знания, как это происходит с терминологическими системами, и не в силу необходимости сделать свою речь недоступной, что характерно для условных языков и подязыков деклассированных элементов общества, а в силу стремления к экспрессии, игре словами [13].

Непосредственное участие в создании, формировании и институционализации (посредством различных правовых актов) юридического жаргона принимает однородная общественная группа – юристы, члены которой одновременно являются основными пользователями данной лексической подсистемы. Характерно, что в составе юридического жаргона активно задействована лексика, которая зачастую не отражает содержания обозначаемых понятий или искажает его. Несмотря на то, что юридический жаргон достаточно активно проникает в сферу официальной юридической коммуникации в нашей стране, все же основной сферой использования юридического жаргона является по-прежнему неформальная коммуникация на юридическую тематику, в рамках которой активно используются жаргонизмы. При этом использование некоторых единиц подобного рода вряд ли оправдано. К примеру, что такое «*незаконное бандформирование*»? Исходя из внешней формы данного атрибутивно-словосочетания, можно заключить, что это бандитское формирование, существующее вне закона. Однако как могут быть бандитские формирования законными? Ведь они незаконны уже по своей сути. Если это так, то чем термин «*бандформирование*» отличается от понятия «*банда*», определяемого в ст. 209 УК РФ как «устойчивая вооруженная группа»? Скорее всего, ничем. Следовательно, можно сделать вывод о том, что термин «*незаконные бандформиро-*

вания» создан искусственно и с юридической точки зрения обладает значительной семантической тавтологичностью и структурной избыточностью.

Следует отметить, что жаргон проникает и в официальный юридический текст. К примеру, лексическая единица «*вещдок*» используется в тексте Постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа от 14 мая 2001 г. N Ф09-724/01-ГК по делу N А50-11194/2000 [14].

В Уголовном кодексе РФ также активно используются некоторые выражения, составляющие юридический жаргон. Так, в тексте ст. 27 УК РФ содержится следующая формулировка: «<...> если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия...». Юридическим жаргоном в данном случае является деформированное с точки зрения лексической сочетаемости выражение «*причиняются последствия*», так как представляется очевидным, что последствия могут только наступать, а причиняется вред или ущерб.

Одно из требований подъязыка любой сферы деятельности – строго придерживаться правил общелитературного языка, поэтому нередко правоведы и филологи выступают против употребления жаргона в юридической сфере [15]. «... Хотелось бы решительно возразить против так называемого «правового жаргона», который иногда все же применяется в нормативных актах, судебных решениях, в нашей учебной и монографической литературе», – пишет доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А. С. Пиголкин [16].

Полагаем, что использование в российском законодательстве профессиональных жаргонизмов может быть обусловлено внешними и внутренними причинами.

Внешняя причина. В некоторых случаях использование жаргонизмов в текстах законодательных актов, таких, например, как «легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества» в тексте УК РФ, происходит под воздействием норм зарубежного права. Выражение «отмыть деньги» было впервые употреблено в законодательстве США в 1982 году. При этом исторические корни возникновения этого термина относят к 30-м годам прошлого столетия, когда американские преступники легализовывали наличные средства, полученные незаконным путем, через систему прачечных (отсюда и отглагольная форма *laundering*, используемая в англоязычном жаргонизме). В российском законодательстве был калькирован зарубежный термин, без надлежащей проработки и адаптации в русском юридическом подъязыке.

Внутренняя причина. Использование юридического жаргона в российском законодательстве – это во многом и часть внутренней правотворче-

ской деятельности. Такие термины, как «нормы законодательства» или «регулирование правоотношений», являются результатом исключительно российского законотворчества, без влияния каких-либо внешних факторов.

Жаргонизмы – это образования с эмоционально-оценочной экспрессивностью и преобладанием сниженного регистра языка. В этом состоит отличие между жаргоном и арго: жаргон является почти всегда экспрессивным, в то время как для арго это условие не обязательно. Д. В. Чистяков, исследуя способы образования жаргонизмов, называет один из наиболее значимых способов образования жаргона – метафорический и метонимический перенос, иными словами – вторичную номинацию, в результате которой значение слова претерпевает трансформацию, и слово приобретает новый узус [17, с. 8].

Проблему разграничения жаргона и арго исследовал и А. Д. Швейцер. Он называет жаргон «зашифрованной речью, непонятной для непосвященных» [18, с. 158]. Подобную «зашифрованность» А. Н. Васильева усматривает в арго [19, с. 38]. Причина определенного сходства понятий арго и жаргона кроется в том, что с 30-х годов арготические слова и выражения распространяются за пределы сфер общения преступников, и арго постепенно воздействует на молодежный, армейский и другие жаргоны благодаря постоянным контактам представителей всех слоев общества с пенитенциарной системой [20, с. 33]. Арготизмы используются в художественной литературе, в сфере общения, в молодежном жаргоне. Таким образом, арго перестает быть закрытой для чужих лексической системой.

Именно в силу того, что в жаргоне происходят заимствования из арго, данные понятия часто смешиваются. Необходимо отметить, что в последнее время наблюдается общая тенденция к огрублению речи; отчасти это следствие ее раскрепощенности и реакция на негативные явления жизни.

Словарный состав профессионального жаргона располагается между терминологической лексикой и общелитературным просторечием. Это слова и выражения оценочного характера, которые передают отношение данного профессионального коллектива к предмету труда и быта. Лексика профессионального жаргона выступает в качестве стилистически сниженного синонима для терминов и слов литературного языка. Компонентами профессионального жаргона являются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, однако границы между этими лексическими явлениями не всегда возможно четко обозначить.

Перейдем к практическому анализу лексических единиц англоязычного жаргона служителей правопорядка. Вследствие того, что до сих пор в

Рис. 1. Классификация юридических жаргонизмов по количеству компонентов

Рис. 2. Словообразовательные модели жаргонизмов в английском языке

лингвистике не было попыток классифицировать юридический жаргон, мы предлагаем в качестве первичной классификации разделить юридические жаргонизмы по количеству компонентов. По количеству составляющих мы выделили: одно- (*dope(head), can, bust, backup*), двух- (*own goal, wet scene, dip squad*), трёх- (*on the pad, beat the rap*), четырёхкомпонентные (*go the full distance, get your nose bent*) и жаргонизмы с большим количеством элементов (*pull up a rap sheet, throw the book at someone*). Применяя данную классификацию к составленной нами электронной базе данных юридического жаргона [21], мы можем определить количественные показатели по параметру одно- и многокомпонентности (Рис. 1).

По нашему мнению, преобладание однокомпонентных жаргонизмов в англоязычном материале говорит о том, что жаргону юридической сферы в большей мере свойственны точность, краткость и лаконичность – вступает в действие принцип экономии языковых средств.

В числе отобранных нами жаргонизмов присутствует ряд аббревиаций, например, *APB (all points bulletin – внимание всем постам), FI (field*

interrogation – допрос на месте происшествия), SNAG (street narcotics and gun unit – уличная банда торговцев оружием и наркотиками). Аббревиация также вызвана тенденцией к экономии языковых средств, равно как и тем, что многокомпонентные жаргонные единицы из-за своей громоздкости ограничены в употреблении, а структурное усечение таких единиц снимает некоторые ограничения на их использование, в частности, в рамках устной профессиональной коммуникации [22; 23].

Ряд многокомпонентных терминов обладает признаками фразеологизмов. К таким жаргонным устойчивым сочетаниям можно отнести:

- *get your nose bent* (быть осуждённым за нарушение правил дорожного движения);
- *throw the book at someone* (обвинять кого-л. во всех смертных грехах; присудить кого-л. к максимально возможному наказанию, сроку тюремного заключения; дать срок на полную катушку; навесить по полной);
- *go the full distance* (испытать всё: арест, суд и тюремное заключение);
- *have it (away) on one's toes* (совершить побег из тюрьмы);

Степень продуктивности типов словообразования

Thematic field	словосло- жение	аббре- виация	заимствование	сокращение	суффиксация	конверсия	деаббревиация
code	9%	36%			18%		
corruption	18%			9%			
court	9%			4%	9%		
crime	17%			2%	12%		
criminal	4%	4%	2%	4%	18%	2%	
detention	3%			3%		3%	
drug	40%				20%		
identification				20%			
informer							
interrogation	4%	4%		4%	4%	4%	
investigation	14%				19%		
law	13%		6%		6%		
police misconduct	20%				10%		
police officer	7%	7%		3%	10%		
police operation	14%				9%		
traffic police	9%				9%		9%
transport							
victim	10%			20%	10%		

- *clean up the calendar* (добывать признание преступника взамен на снятие обвинений в ряде преступлений);
- *to turn Queen's evidence* (загрузить своих; дать показания в суде против сообщников);
- *pull up a rap sheet* (пробить по полосе; пробить по базе на наличие судимостей).

Мотивация фразеологических юридических жаргонизмов непрозрачна, и их значение нельзя вывести из внешней формы. В данных языковых единицах прослеживается ирония (например, в *go the full distance*, где пребывание в суде в качестве обвиняемого, а затем отбывание в тюрьме иронично называется дистанцией).

В образовании юридических жаргонизмов активно используются ресурсы словообразовательной системы современного английского языка. Из достаточно разнообразного и богатого арсенала способов словообразования в английском языке юридический жаргон использует лишь несколько, при этом степень продуктивности этих способов разная.

Как видно из приведенной выше диаграммы, среди словообразовательных моделей мы выделили морфологическое словообразование (словосложение, аффиксация, сокращение, аббревиация, деаббревиация, конверсия) и заимствование из других языков (Рис. 2). Наиболее продуктивным способом является словосложение, что не вызывает удивления, так как в последнее время эта словообразовательная модель является достаточно продуктивной в образовании новых слов в английском языке. Если в 60-70-х годах XX века словосложение по продуктивности уступало аффиксации, уже в

80-х оно её превзошло [24, с. 13]. Наибольшее распространение этот способ словообразования получил в последние десятилетия.

Словосложение «обслуживает» самые разнообразные тематические группы рассматриваемой лексической подсистемы: виды преступлений, типы преступников, материальные предметы и т.д. Все найденные юридические жаргонизмы мы отнесли к следующим тематическим микрополям: команда, коррупция, суд, преступление, преступник, задержание, наркотик, удостоверение личности, информатор, допрос, расследование, закон, неправомерное действие полиции, полицейский, полицейская операция, дорожная полиция, транспорт, жертва. Ниже мы представили сводные количественные данные о продуктивности различных видов словообразования в пределах различных тематических групп современного англоязычного жаргона юридической сферы.

Анализируя степень продуктивности типов словообразования относительно каждого тематического поля, можно констатировать, что аббревиация как средство языковой и речевой экономии весьма продуктивна для жаргонизмов группы «команды», например: *APB (all points bulletin)* – *внимание всем постам*, *BOLO (Be On the Look-Out)* – *будь настороже*. У единиц жаргона, которые образованы морфологическими средствами и относятся к теме «преступление», основным способом словообразования является словосложение с возможной последующей конверсией: *snowdrop* – *воровать одежду (обычно нижнее бельё)*, *meatball* – *«мелочь» (обвинение в несерьезном мелком хулиганстве)*, *greenwash* – *отмывать деньги и т.д.*

Суффиксальный способ является наиболее продуктивным для жаргонизмов, указывающих на тип преступника. Обладая значением «исполнитель действия или инструмент, с помощью которого выполняется действие», суффикс «-er» добавляется к именам существительным и образует жаргонизмы-номинации преступников по видам преступлений или наказаний, например, *stripper* – угонщик новых автомобилей, *lifer* – приговоренный к пожизненному заключению, *artourger* – «банщик» (поставляющий оружие другим преступникам).

Тематическое поле «наркотик» пополняется, в основном, благодаря словосложению, например, *dogtag* (букв. жетон) – рецепт на аптечные наркотики, *dorehead* – наркоман.

Лексические единицы, связанные с расследованием, чаще всего образуются суффиксальным способом при помощи суффиксов «-er», например, *sticker* – висун, *висяк*, *глухарь*, *сухарь* (нераскрытое дело); *red-inker* – палка, *галка* (раскрытое правонарушение); «-ing», например, *handwriting* (почерк преступника).

Структурный анализ фактического материала позволил выявить семь основных частеречных моделей словосложения. Показательно, что среди отобранных сложных жаргонизмов преобладающими оказались двухкомпонентные единицы.

- Начнем с группы N+N (noun + noun), например:
- *dorehead* – нарик, наркоша, обдолбыш, наркот; нарколога; торчезоник; наркоманьяк; пыжик; торчок; глухой; кайфарик; «торч» (person who has done too many drugs and is a bit slow at times);
 - *bootleg* – вести незаконную торговлю, торговлю "из-под полы" (from the practice of smugglers of carrying bottles of liquor concealed in their boots);
 - *dogtag* – рецепт на аптечные наркотики (a prescription for a narcotic, possibly legal or forged or illegally obtained);
 - *eyeball* – опознать подозреваемого в ходе соответствующей процедуры (to identify in a police line-up).

54 % лексических единиц образованы именно по этой модели.

Следующая группа A+N (adjective + noun) составляет порядка 14% выборки, например:

- *flatfoot* – пеший патрульный (officer assigned on foot patrol);
- *sweatback* – нелегальный гастарбайтер (illegal immigrant to the US who is working).

4% выборки составляет группа N+V (noun + verb):

- *greenwash* – отмывать деньги (to launder money).

Значительным представляется и количество сложнопроизводных единиц. Если в однокорневых лексических единицах продуктивными яв-

ляются суффиксы -ed (*bricked* – подозреваемый), -al (*confessional* – место проведения допроса; «исповедальня») и -er (*sticker* – висяк, *floaters* – всплывший утопленник), то в сложнопроизводных словах продуктивными становятся суффиксы -er, -ing, например: *gangbanger* – член уличной банды, *snowdropper* – тот, кто ворует одежду (как форма сексуальной фетишизма), *red-inker* – палка (раскрытое преступление), *handjiving* – тайная покупка наркотиков.

Среди сложных слов многие жаргонизмы образованы при помощи частиц и прилагательных наречий, поэтому 2% нашей выборки приходится на модель Part. II+Adv, где производящей основой служит фразовый глагол. Важно отметить, что второй частью слова во всех случаях выступает именно наречие «up», например, *nailed-up* – «упакованный» (арестованный), *tooled-up* – «укомплектованный» (имеющий орудия для взлома).

Одной из продуктивных моделей деривации в анализируемой сфере является V+Adv (составляет 11%), например, *buy-down* – занос, взятка полиции для смягчения приговора, *shakedown* – шмон (обыск), *throwaway* – пистолет, который полицейский подбрасывает жертве с целью оправдать свою стрельбу.

Значительно реже встречаются многокомпонентные единицы (синтаксические композиты) V+Conj+V, например, *butter-and-eggs* – подтасовка данных, *buy-and-bust* – проверочная закупка. В качестве союза во всех случаях выступает «and». Единичные случаи – Num+N (*one-eye* – «одноглазая машина»), V+N на фоне усечения (*missper* – «потеряшка»), Adv+Adv (*backup* – подкрепление).

Перейдем к анализу структуры жаргонных единиц русского языка. Деривационная система русского языка обладает большим потенциалом для создания новых слов. Пополняя словарный запас лексическими единицами, словообразовательная система русского языка опирается на собственные деривационные ресурсы, а также заимствует определенную их часть из других языков. Проанализировав морфологические способы образования юридических жаргонизмов, мы можем утверждать, что самой продуктивной словообразовательной моделью в русском языке оказалась суффиксация (Рис. 3).

Мы выявили наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы, используемые в рамках исследуемой лексической подсистемы:

- -ник: обладает значениями «место, где содержаться заключённые», например, *клоповник*, *обезьянник*; либо «преступник, совершающий преступления в какой-либо сфере», например, *медвежатник*;
- -чик/-щик, -ач: обладают значением «преступник, совершающий преступления в какой-либо сфере», например, *банщик*, *минетчик*, *щипач*;

Рис. 3. Словообразовательные модели в русском языке

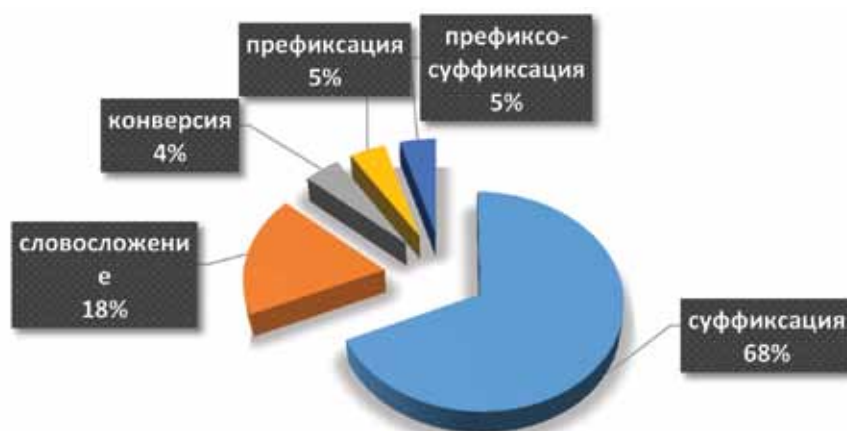

Рис. 4. Словообразовательные модели в украинском языке

- -ок: обладает значениями «мелкий, незначительный», например, *бегунок, шнурок*;
- -ух: добавляет ярко выраженный оттенок вульгарности и выступает определенным словообразовательным усилителем, например, *бытовуха, мокруха, чистуха, заказуха*.

Словосложение занимает второе место по продуктивности (например, *автозак, торчезоник*). Чаще всего данный вид словообразования встречается в жаргонизмах, обозначающих названия учреждений (например, *райблюдком*) и документов (например, *вездеход*).

Также мы выявили случаи деаббревиации с последующей суффиксацией: *дэлы* – от *ДЛ*, что расшифровывается как *доверенные лица, гибэдэдэшник* (от *ГИБДД*), *фээсбэшник, МУРовец* (*МУР* – московский уголовный розыск). Так как случаи образования юридического жаргона путём деаббревиации встречаются редко, можно сделать вывод о том, что этот метод словообразования не характерен для русского языка, и в результате деаббревиации создаются окказионализмы с очень яркой внешней формой.

Анализируя словообразовательные модели русского юридического жаргона, мы обнаружили

определённую закономерность в употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов *-к* и *-ш*, которые добавляли оттенок надменного и пренебрежительного отношения говорящего к объекту, например, *наружка* (*наружное наблюдение*), *топтушка* (*наблюдатель*), *людишки, травка, потеряшка, пальчики, наркоша*.

Далее рассмотрим особенности структуры украинских юридических жаргонизмов. Украинские дериватологи достигли значительных успехов в исследовании словообразовательных явлений, но, тем не менее, на данный момент насчитывается не так много научных исследований, посвященных проблеме жаргонного словообразования. В частности, заслуживают внимания работы О. Горбача, В. Грещука и А. Нелюбы, Л. Ставицкой, Л. Широцкого. Из известных способов словообразования в украинском языке (суффиксация, префиксация, словосложение и т.п.) в юридическом жаргоне функционируют суффиксация, словосложение и редко – префиксация, префиксо-суффиксация и конверсия. Количественные данные по нашей выборке украинских жаргонизмов обобщены в вышеприведенной диаграмме (Рис. 4).

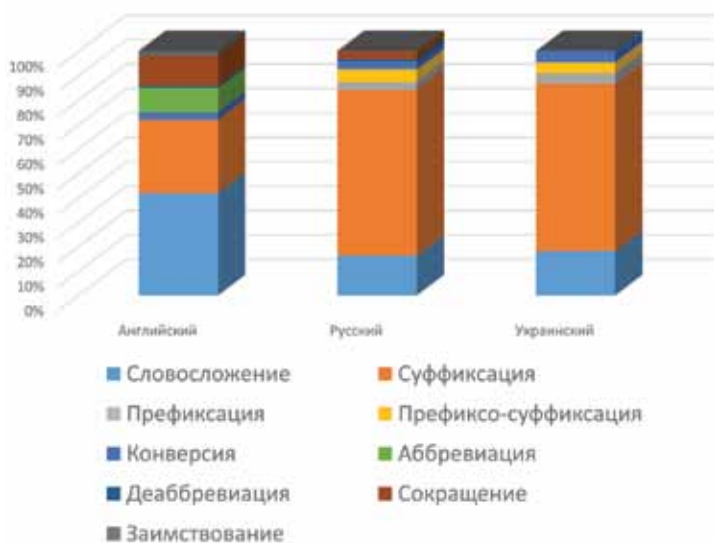

Рис. 5. Основные словообразовательные модели юридического жаргона в английском, русском и украинском языках

Продуктивными можно назвать такие форманты, как суффиксы «-й», «-л» и «-ник». С помощью суффикса «-й» в юридическом жаргоне образуются слова со значениями «лицо, совершающее преступление», например, *крадій – в воровской преступной группе тот, кто непосредственно совершает кражу; злодій в законі – законник (вор в законе, коронованный, в шапке, уголовный авторитет)*. Суффиксы «-л» и «-ник» обладают значением «место сбора преступников», к примеру, *кубло, кишло – притон; мавпятник, гадючник – обезьянник*.

На приведенной выше диаграмме мы обобщили количественные показатели частотности употребления той или иной деривационной модели в рамках жаргонизмов английского, русского и украинского языка (Рис. 5).

Таким образом, модели образования английских жаргонизмов существенно отличаются от моделей, используемых в русском и украинском языках: если для английского языка более продуктивной моделью является словосложение, то в русском и украинском языках в значительной степени преобладает суффиксация. Также существенным отличием является наличие в английских жаргонизмах многочисленных аббревиаций и заимствований, тогда как в русских и украинских вариантах исследуемой лексической подсистемы этих видов словообразования замечено не было. Ещё одна словообразовательная тенденция английского языка – сокращение. В русском языке этот способ менее продуктивен, а в украинских жаргонизмах мы и вовсе не обнаружили жаргонизмов, образованных при помощи сокращения.

В контексте аффиксального способа деривации отметим, что в русском и украинском языках пре-

фиксация и префиксо-суффиксация играют немаловажную роль в создании юридического жаргона. В украинском языке отмечается большая частотность префиксальной модели, например, *перепочинок, відмивання*. Для сравнения, в английском языке мы не наблюдали ни одного случая использования префиксации и префиксо-суффиксации.

Анализируя юридический жаргон в сравнительно-сопоставительном плане, нельзя не заметить значительное количество близкородственных лексем в русском и украинском языках, например, *тырить – тирити, барыжить – барыжити, шманать – шманати, пальчики – пальчики, земля (территория) – земля* и т.д. В то же время ни в русском, ни в украинском языке не были найдены эквиваленты для целого ряда английских жаргонизмов, например, *fruit fuzz – полицейский, назначенный в подразделение по борьбе с открытыми проявлениями гомосексуальности, flip a bitch – сделать резкий разворот (несмотря на сплошную разделительную полосу)*.

В силу того, что жаргон является неотъемлемой частью национального языка, он также выполняет миромоделирующую функцию, которая реализуется в национальной языковой картине мира. В случае отсутствия переводческих эквивалентов, мы сталкиваемся с тем, что русская, украинская и английская языковые картины мира, которые демонстрируют внешнее подобие, т.е. представляются симметричными, являются, в самом деле, нетождественными. И если русская и украинская языковые картины мира очень похожи между собой, то английская ЯКМ от них сильно отличается. Этим можно объяснить значительное количество безэквивалентной лексики при переводе юридического жаргона с английского языка на русский

и украинский, например, отсутствие названий для того или иного явления: *fixer* – учреждение, охраняемое правоохранительными органами; установка, которую охраняют правоохранительными органами. Речь может также идти и об отсутствии самих явлений в русской и украинской правоохранительной практике, в отличие от практики британской или американской, например: *bird sanctuary* – учреждение, где водители, нарушившие дорожные правила, не преследуются; установка, де водії, які порушили правила дорожнього руху, не переслідуються.

В завершающей части нашей статьи уделим внимание некоторым семантическим аспектам жаргонизации исследуемых жаргонизмов. Анализ показывает, что довольно значимыми способами образования новых жаргонизмов рассматриваемой сферы являются процессы метафорического и метонимического переноса. При этих процессах используется звуковая оболочка, уже существующая в языке, а вторичное использование получает уже имеющаяся в языке единица, т.е. происходит процесс вторичной номинации. Значительное количество юридических жаргонизмов образовалось путем метафорического переосмысления уже имеющих в языке лексических единиц.

Хорошо известно, что всякая метафора подразумевает наличие общей семы у сравниваемых слов. При выявлении общих сем, лежащих в основе метафорического переосмысления, мы обратимся к методологии, изложенной в работах В. Г. Гака и М. В. Никитина. По В. Г. Гаку, значения слов «включают архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета» [25, с. 52]. Аналогичную трактовку понятий, связанных с семантической трактовкой слова, находим и в работах М. В. Никитина [26, с. 40], который выдвигает в качестве базовых понятий интенционал (содержательное ядро лексического значения) и импликационал (периферия семантических признаков, окружающих ядро). Выявление общих сем в процессе компонентного анализа приводит к выводу о том, что для большинства вторичных номинаций, созданных на базе метафоры в юридическом жаргоне, вполне применима традиционная классификация метафор по внешнему сходству и сходству функций. Однако часть материала не укладывается в эту схему, поэтому наша классификация механизмов семантической деривации юридических жаргонизмов выглядит следующим образом: 1) метафорическое переосмысление на основе внешнего сходства называемых реалий; 2) метафорическое переосмысление на основе функционального сходства; 3) ассоциативная метафоризация.

Выделение ассоциативной метафоры в особый тип носит условный характер, так как, в конечном счете, все метафоры без исключений строятся на основе ассоциаций по принципу какого-либо сходства. Подвижной является и граница между этими типами. Например, некоторые из метафор по сходству действий и движений могут быть квалифицированы как ассоциативные (в нашем понимании). Несмотря на это, предложенная классификация дает возможность разграничить выявленные типы метафор несколько более четко. В английском, русском и украинском юридических жаргонах представлены все эти виды метафор.

Сходство формы может базироваться на наличии одной или нескольких общих сем или целого набора сем, создающих аналогию внешней формы предметов. Рассмотрим вначале метафорические процессы в русском юридическом жаргоне. Так, на базе семы «цвет» созданы такие юридические жаргонизмы, как: *чёрный ворон* – машина для перевозки заключенных (аналогия с цветом машины); *«белая шляпа»* – хакер, работающий на правоохранительные органы.

Общность сем «незаявленный, без следов» привела к образованию жаргонизмов: *чистые колёса* – машина, ранее не стоявшая на учёте в полиции; *чистый* – человек, не состоящий на учёте в полиции; *грязный* – ранее судимый. Следует отметить, что сема «животное, насекомое» характерна для жаргонизмов со значением «место, где находятся преступники», например, *обезьянник*; *клоповник*; *аквариум*; *тигрятник* – тюремная камера. По сходству формы были образованы жаргонизмы: *«браслеты»* – наручники; *решётка, клетка, телевизор* – тюремная камера, *академия* – тюрьма. По общности функции: *«учитель»* – работник ГАИ, проводящий поучительные беседы; *papa* – начальник подразделения; *вездеход* – полицейское удостоверение, *подмазка* – взятка.

В украинском юридическом жаргоне мы наблюдаем схожую картину. Особенно продуктивны процессы метафоризации, основанные на внешнем сходстве сопоставимых предметов: *грати* (решётка) в значении «тюремная камера»; *кубло, гніздо, кишло* – притон.

В английском языке также активен процесс переосмысления на основе внешнего сходства, которое может предполагать сходство действий, движений, например, *mushroom* (букв. «гриб») в значении «невиновный свидетель, убитый в перестрелке». В интенционал этого значения входит сема «стоять неподвижно», актуализация именно этой семы осуществляется в жаргонном обозначении случайно убитого невиновного свидетеля, который стоял, никому при этом не мешая. Ещё один пример жар-

гонизма, основанный на переносе семы по внешнему сходству – «*tunnel rat*» (полицейский, патрулирующий на станциях метро), русские и украинские соответствия которого – «крот», «*krit*» или «*щур*». В данном примере общей семой является значение «находящийся под землей». Метафорой по внешнему сходству, которое подразумевает сходство действий и движений, также является жаргонизм «*kangaroo court*» – *самосуд*, «*расправа кенгуру*», которая обозначает суд, попирающий принципы справедливости, т.е. незаконное судебное разбирательство. Имеются в виду те «суды», в которых вердикт и приговор являются предreshёнными заранее, и нормальные процедурные правила абсолютно игнорируются. Это выражение вошло в обиход в 1850-х гг. и, вероятно, семантически коррелирует с беспорядочным, непредсказуемым поведением кенгуру. В некоторых тюрьмах существуют «*kangaroo courts*», где узники вершат правосудие согласно своим собственным правилам. Вероятно, в данном случае в выражении заключается намек на то, что «суд» обходит закон столь же легко, как кенгуру перепрыгивает препятствия.

В основе метафорического переноса может лежать как одна общая сема, так и комплекс сем, выражающий внешнее сходство предметов, например, *fru* – *горняк*, *уголь* (*автомобильная авария со взрывом или сгоревшие жертвы этой аварии*), где «*fru*» (букв. «жареное мясо») и «уголь» по цвету и по состоянию напоминают о сгоревшем автомобиле, либо о сгоревших в нём пассажирах.

Значительное количество русского, украинского и английского юридического жаргона образовано путём переноса значений на основании одной и той же семы, например, *clar* – *прихлопнуть* – *прихлопнути*, *confessional* – *исповедальня* – *сповідальня*, *fru* – *горняк*, *уголь* (*жертвы пожара*) – *головешки*, *kitchen* – *кухня* – *кухня* (*место приготовления наркотиков*). Тем не менее, если сравнить жаргонизмы, соответствующие одинаковому явлению на этих трёх языках, то можно заметить, что большая часть русских и украинских жаргонизмов построены на перенесении одинаковой семы, в то время как английский жаргонизм основан на ином метафорическом переносе. Рассмотрим это на примере слова «взятка», которое на разных языках имеет следующие жаргонные соответствия: *sygur*, *pad* – *мзда* – *могорич*. «*Sygur*» и «*pad*» – метафоры с переносом сем «сладкий, мягкий», что может относиться и к взятке, которая способствует тому, чтобы все прошло «как по маслу». Что касается русских и украинских соответствий, то «мзда» и «могорич» имеют иную общую интенциональную сему. «Мзда» означает награду или возмещение, что предполагает передачу денег или чего-либо другого «в благодар-

ность» за услугу. «Могорич» в украинской традиции означает обрядовое действие окончательного заключения сделки, а именно – угощение или вознаграждение [27].

Суть того, что мы называем ассоциативными метафорами, сводится к актуализации некоторых сем, не относящихся к внешнему сходству или функции. При этом часто периферийная сема превращается в метафорической проекции в ядерную. Нередко в основу переноса значения берется отдаленный, а зачастую случайный признак, который становится ведущим в семантической структуре результирующей единицы. «Для метафоры (и сравнения вообще) мера подобия несущественна. Аналогия может быть частной, поверхностной и неглубокой» [28, с. 98]. Говоря об импликациях такого рода, следует иметь в виду, что имеется обширная область признаков, о совместной встречаемости которых с данным понятием можно судить лишь предположительно: их наличие или отсутствие одинаково вероятно и невероятно, они могут быть, а могут и не быть. Говоря об ассоциативных метафорах, можно также привести высказывание Г. А. Судзиловского: «Выделенная при образном употреблении черта может отражать несущественную сторону понятия и даже входить в противоречие с его сутью» [29, с. 23]. На актуализации случайного, несущественного признака строятся многие юридические жаргонизмы. Сравним две жаргонные лексемы с общим значением «отдел убийств»: *убойный отдел* и *белая кость/голубая кровь*. Первый жаргонизм связан с актуализацией ядерных сем исходных единиц: *отдел полиции*, расследующий наиболее серьезные преступления – убийства. Метафоры «*белая кость*», «*голубая кровь*» построены на основе периферийных признаков: *белая кость*, *голубая кровь* – признаки аристократического происхождения, в данном случае имеется в виду элита правоохранительных органов – сотрудники отдела убийств. Ещё один пример ассоциативных метафор – жаргонизм «*Star Chamber*» (рус. «*звёздная палата*», на укр. «*зіркова палата*»), значение которого – тайный верховный суд, рассматривавший без присяжных дела о наиболее тяжких преступлениях. В этом примере звёздами называют преступников, совершивших наиболее тяжкие преступления, то есть импликационал (периферийная сема) «самый выделяющийся» переносится на звезду, которая обладает такой же характеристикой.

Итак, метафорическое переосмысление слов общенародного языка происходит и в русском, и в английском, и в украинском юридическом жаргоне. Проследим некоторые различия в мотивации при метафорическом переносе путем сопоставления русских, английских и украинских юридических

жаргонизмов. Будем исходить из одинаковых означаемых (денотатов) и разных итоговых жаргонизмов. Ср.: *тюремная камера*: русск.: *аквариум*; англ.: *can* (букв. «бидон»); укр.: стакан. Рассмотрим метафорический перенос и с другой стороны, когда общим результативным единицам соответствуют разные денотаты: *подснежник* – *підсніжник* – *snowdrop*: русск. и укр.: мина или труп, вытянувшие из-под снега; англ.: воровать женское нижнее бельё (как форма сексуального фетишизма); *встряска* – *прочухан* – *shakedown*: русск. и укр.: трёпка, избивание, взбучка; англ.: обыск; *бегунок* – *runner*: русск.: мелкий торговец наркотиками, чаще всего наркоман, торгующий чтобы «нарыть» себе дозу наркотиков; справка, которая должна быть подписана многими лицами; англ.: беглый преступник (обычно убежавший из тюрьмы); *трясти* – *трясти* – *shake*: русск. и укр.: обыскивать, «шмонать»; англ.: вызывать в суд; *колёса* – *колеса* – *wheels*: русск. и укр.: лекарственные средства в виде таблеток, используемые как наркотики; англ.: машина. Следует отметить, что в русском и украинском языках лексема «колёса» также может обозначать автомобиль и представлять собой метонимию, например, *чистые колёса*, *чисті колеса* (машина, ранее не стоявшая на учёте в полиции).

Несовпадение мотивационных процессов при метафорическом переосмыслении в подсистемах разных языков было вполне предсказуемо, т.к. даже в пределах одной жаргонной системы, в частности, русского юридического жаргона, одно и то же означаемое получает разные жаргонные номинации, в зависимости от того, какой семантический признак актуализируется в каждом конкретном случае. Так, тюремная камера в английском юридическом жаргоне получила название *tank*, *piss can*, *piss bucket*, *Bastille* и др. При этом актуализацию получили разные признаки: форма, состояние, степень охраняемости. Значительный исследовательский интерес, полагаем, представляют случаи *совпадения внешней формы жаргонных единиц*. Эти случаи достаточно многочисленны: *чёрная Маруся* – *чорна Маруся* – *Black Maria*: русск. и укр.: автомобиль для перевозки заключенных; англ.: транспортное средство для перевозки заключенных; *кухня* – *кухня* – *kitchen*: русск. и укр.: место приготовления наркотиков; англ.: место приготовления наркотиков; *отмывать* – *відмивати* – *launder*: русск, укр. и англ.: процесс, посредством которого скрывается существование, незаконное происхождение или незаконное использование доходов и осуществляется их преобразование в легальные доходы; *клетка* – *клітка* – *cell*: русск. и укр.: тюремная камера; англ.: тюремная камера; *клиент* – *клієнт* – *client*: русск. и укр.: водитель, которого останавливает работник

ГАИ; англ.: водитель, которого останавливает работник ГАИ; *охотник за скальпами* – *мисливець за скальпами* – *headhunter*: русск., укр. и англ.: специалист по выявлению потенциальных перебежчиков (работник управления собственной безопасности МВД, расследующий случаи должностных преступлений в правоохранительных органах); *задержание на горячем* – *затримання на гарячому* – *hot stop*: русск. и укр.: задержание с поличным; англ.: задержание преступников при попытке убежать с места преступления.

Таким образом, при метафорическом переосмыслении в единицах английского, русского и украинского юридических жаргонов наблюдаются случаи полного и частичного совпадения. В целом можно утверждать, что метафорическое переосмысление является весьма продуктивным способом словообразования в русском, английском и украинском юридических жаргонах.

Метонимия как способ семантического словообразования, несмотря на меньшую продуктивность по сравнению с метафорой, также используется для создания жаргонизмов, порождая интересные семантические производные. Несомненно, метафора наделена большей информативностью, чем метонимия. В метафоре, как правило, соотносятся понятия, действия, ситуации, принципиально различные по своей природе, и именно эта их отдаленность создает яркий образ. Метонимия, в свою очередь, выделяет определенные детали, лежащие на поверхности, акцентируя их, наделяя когнитивной салиентностью [30]. Для метонимии типично выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам [31, с. 154].

В нашей базе юридического жаргона мы выделили следующие типы метонимического переноса:

- синекдоха (перенос части на целое): *beak* (букв. «клюв») – мировой судья; *людюшки* – законопослушные граждане; *BPS (brain-picking stick for probing corpses)* – палка для прощупывания тела, где под словом «мозги» имеется ввиду «тело»; *Philadelphia lawyer* (адвокат из Филадельфии) – юрист, искусный в разборе запутанных, сложных дел; *on the wheel* (букв. «на колесе») – полицейский на мотоцикле; *private eye* (букв. «частный глаз») – частный детектив.
- перенос с названия преступников/сферы преступлений на сотрудников подразделения: отделение полиции, расследующее преступления на сексуальной почве: русск.: *извращенцы*; англ.: *pervert squad* (букв. «отделение извращенцев») – полицейское подразделение по борьбе с проституцией: русск.: *пуписькин отдел*; англ.: *Mister Sin* (букв. «господин грех»).

- перенос с социальной организации на помещение: *dead house* (букв. «мёртвый дом») – бюро судебно-медицинской экспертизы и морг.
- перенос действия на результат: *подмазка* (взятка), где процесс дачи денег (подмазывания, подлизывания) перенесен на результат.
- перенос с вместилища на содержимое: *pot* (букв. «горшок») – травка, марихуана
- перенос с явления, признака, качества на обладателя: *whip* (букв. «кнут, хлыст») – начальник подразделения

Также имеются *двухступенчатые переносы значения*: метафора + метонимия, например, *white hat* – «белая шляпа» – хакер, сотрудничающий с правоохранительными органами. В данном примере мы находим метафору по сходству цвета (белый символизирует добро, в отличие от чёрного) в сочетании с синекдохой (шляпа указывает на человека, который её носит).

Таким образом, мы можем отметить, что такие типы словообразования на основе семантического переноса, как метафора и метонимия – весьма продуктивные в образовании юридического жаргона. Единицы, образованные путём переноса значений, как правило, имеют ироническую или насмешливую эмотивную коннотацию. Например, жаргонизм *cross bar hotel* (букв. «отель с решёткой из стальных прутьев») построен на противопоставлении признаков «комфортный», с одной стороны, и «без каких-либо удобств», с другой (жаргонизм примерно соответствует русскому «небо в клеточку»).

Для перевода юридического жаргона можно выделить несколько приемов и способов. Прежде всего, это два основных пути, по которым следует переводчик: прямой и косвенный (непрямой) перевод. Первый способ мало приемлем при переводе единиц сниженной лексики, так как при этом нарушаются принципы переводческой адекватности и узуальные нормы языка перевода, например, *Mutt and Jeff*. Данное выражение употребляется в значении «good and bad cop» (букв. «хороший и плохой коп»), перевести фразу транскрипцией либо транслитерацией нельзя, так как в русском или украинском языке выражения «Мат и Джеф» не существует, а соответствующие онимы лишены каких-либо коннотаций. Таким образом, необходимо найти эквивалент в языках перевода, и в данном случае фраза, как правило, переводится как «кнут и пряник».

Упомянутые транскрипция и транслитерация относятся к первому (прямому) способу перевода. Их применение возможно лишь при условии, что значение транскрибированного (транслитерированного) или калькированного слова понятно из контекста, и перевод не нарушает узуальные нормы и принципы адекватности и эквивалентности,

например, *Chewbacca defense* будет переводиться как *защита Чубакки* (русс.) и *захист Чубакки* (укр.). Транскрибирование на русский и украинский язык происходит, поскольку Chewbacca – имя героя всемирно известной киносаги «Звёздные войны». Юридический жаргон *защита Чубакки* означает вымышленную стратегию судебной защиты, которая использовалась адвокатом Джонни Кокраном в эпизоде «Шефская помощь» сатирического сериала «Южный парк». Смысл и аргументация этого вида защиты призваны поставить присяжных в недоумение. Таким образом, к приёмам транскрипции и транслитерации можно прибегать лишь в редких случаях и только тогда, когда значение слова понятно читателям без специальных комментариев.

Гораздо чаще прибегают к непрямым способам перевода или переводческим трансформациям. Основная функция последних состоит в создании максимально лексически точного, адекватного перевода при отсутствии регулярных языковых соответствий. При этом адекватный перевод невозможен без учёта стилистической стороны подлинника, так как перевод также предполагает создание стилистического аналога оригинала [см., например, 32].

Для осуществления перевода юридического жаргона с английского на русский и украинский языки мы пользовались Интернет-ресурсами, на которых собраны базы юридического жаргона, в том числе – форумами юристов и полицейских: <https://reibert.info/threads/policejskij-zhargon.280654/> [33]; <http://www.policemag.com/cop-slang/self-correcting-problem.aspx> [34]; http://www.slovonovo.ru/tag/Мулицейский_жаргон [35]; http://expoliceman.ru/index/milicejskij_slehng/0-8 [36]; <http://www.slovonovo.ru/chitat/stati/policejskij-zhargon.html> [37]; <http://www.slovonovo.ru/chitat/stati/sleng-sotrudnikov-policii.html> [38]; <http://www.slangsearch.com/crime.html> [39].

В силу того, что на указанных интернет-сайтах мы не нашли переводческие эквиваленты для всех жаргонизмов, перевод значительного количества жаргонных единиц был выполнен самостоятельно. В нашей базе данных юридического жаргона мы находим следующие виды перевода:

- перевод с использованием эквивалента;
- перевод с использованием функционального аналога;
- описательный перевод.

При отсутствии эквивалентов на русском и украинском языках, нами были найдены функциональные аналоги жаргонизмов на ПЯ, а при отсутствии последних жаргон был переведён путём описательного перевода. Количественные данные, характеризующие частотность способов перевода исследуемых жаргонизмов приведены нами на диаграмме (Рис. 6).

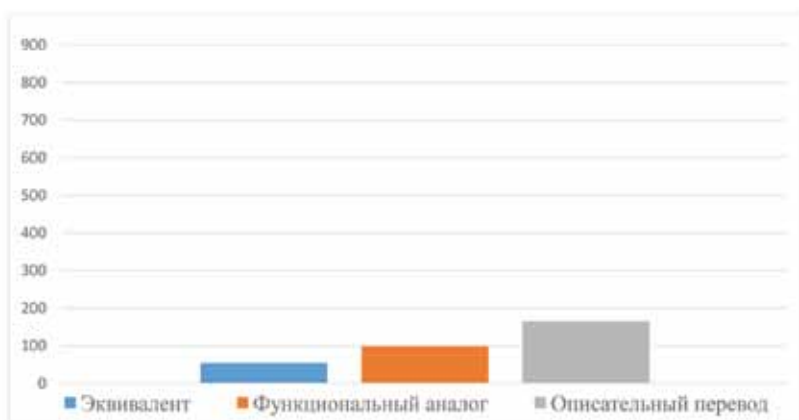

Рис. 6. Способы перевода жаргонизмов на русский и украинский языки

При переводе жаргонных юридических фразеологизмов мы учитывали национальную и социокультурную специфику жаргонизма, поэтому

главным элементом при переводе фразеологизмов выступает не «буквальное» значение, а передаваемый ими глубинный смысл.

Список литературы:

1. Berman H. J. Justice in the U.S.S.R.: An Interpretation of Soviet Law. Cambridge: Harvard University Press, 1966. 462 p.
2. Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 200 с.
3. Туралин В. Ю. Юридический жаргон современного российского законодательства: причины использования и пути устранения // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 27-30.
4. Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., переработанное и дополненное / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Дрофа, 1997. 721 с.
5. Keats J. Virtual Worlds: Language on the Edge of Science and Technology. NY: Oxford University Press, 2011. 190 p.
6. Sunstein C. R. In Praise of Law Books and Law Reviews (and Jargon-Filled Academics Writing) // Michigan Law Review. 2016. Vol. 114. No. 6. P. 39-48.
7. Кудинова Т. А. Криминальный жаргон и проблема криминализации языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 20-23.
8. Заграевская Т. Б. Ареально-локальная характеристика англоязычных афроэтносоциолектизм как средство раскрытия их генезиса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 61-66.
9. Иоакимиди Г. А. Профессионализмы и сленговые единицы сферы шоу-бизнеса в современном английском языке: структурно-семантический аспект // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 77-81.
10. Ломова Н. А. Молодежный сленг и его статус в современной русской языковой картине мира // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 38-42.
11. Стойков С. Социальные диалекты // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 78-84.
12. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989. 113 с.
13. Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 452-501.
14. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 14 мая 2001 г. N Ф09-724/01-ГК по делу N А50-11194/2000.
15. Серегина О. Л., Филимонова Н. Ю. Синтаксическая и языковая структура искового заявления как юридического документа // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. Т. 1. № 5 (14). 2011. С.138-142.
16. Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968. 151 с.
17. Чистяков Д. В. Жаргонизмы как явление вторичной номинации: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. М., 2009. 205 с.
18. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 251 с.
19. Васильева Н. В. [и др.]. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахарович. М., 1995. 175 с.
20. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 317 с.
21. Бедзир Р. В., Алимуратов О. А. Электронная база данных профессиональных жаргонизмов служителей правопорядка (русский, английский и украинский языки). Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2015621325 от 27 августа 2015 г.
22. Мазнева Ю. А. К проблеме когнитивно-семантической характеристики юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 177-181.

23. Мазнева Ю. А. Функциональная природа термина и особенности функционирования англоязычных юридических терминов-аббревиатур в публицистическом дискурсе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С. 74-79.
24. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
25. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 52.
26. Никитин М. В. Семантика метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 40.
27. Могорич. URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/Могорич> (дата обращения: 01.07.2016).
28. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
29. Судзиловский Г. А. Сленг – что это такое? Английская просторечная лексика. Англо-русский словарь военного сленга. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
30. Садр М. Семантический способ словообразования (на материале произведений А. П. Чехова) // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: материалы Международной научно-практической интернет-конференции (Астраханский госуниверситет 21 сентября 2010-20 января 2011). Астрахань, 2011. С. 143-146.
31. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора: синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147-173.
32. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
33. Reibert.info. URL: <https://reibert.info/threads/policejskij-zhargon.280654/> (дата обращения: 01.07.2016).
34. Police. The Law Enforcement Magazine. URL: <http://www.policemag.com/cop-slang/self-correcting-problem.aspx> (дата обращения: 01.07.2016).
35. Милицейский жаргон. URL: http://www.slovnovo.ru/tag/Милицейский_жаргон (дата обращения: 01.07.2016).
36. Милицейский слэнг. URL: http://expoliceman.ru/index/milicejskij_slehng/0-8 (дата обращения: 01.07.2016).
37. Полицейский жаргон. URL: <http://www.slovnovo.ru/chitat/stati/policejskij-zhargon.html> (дата обращения: 01.07.2016).
38. Сленг сотрудников полиции. URL: <http://www.slovnovo.ru/chitat/stati/sleng-sotrudnikov-policii.html> (дата обращения: 01.07.2016).
39. Slang search.com. Crime Slang. URL: <http://www.slangsearch.com/crime.html> (дата обращения: 01.07.2016).
40. Саввина Л.В. Художественная картина мира в музыке второй половины XX века: к вопросу о структурно-семантических инвариантах музыкального мышления // Культура и искусство. – 2014. – 4. – С. 457 – 466. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.4.12798.

References (transliterated):

1. Berman H. J. Justice in the U.S.S.R.: An Interpretation of Soviet Law. Cambridge: Harvard University Press, 1966. 462 p.
2. Yazyk zakona / Pod red. A. S. Pigolkina. M.: Yurid. lit-ra, 1990. 200 s.
3. Turanin V.Yu. Yuridicheskii zhargon sovremennogo rossiiskogo zakonodatel'stva: prichiny ispol'zovaniya i puti ustraneniya // Rossiiskaya yustitsiya. 2008. № 6. S. 27-30.
4. Russkii yazyk. Entsiklopediya. 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe / Gl. red. Yu. N. Karaulov. M.: Drofa, 1997. 721 s.
5. Keats J. Virtual Worlds: Language on the Edge of Science and Technology. NY: Oxford University Press, 2011. 190 p.
6. Sunstein C. R. In Praise of Law Books and Law Reviews (and Jargon-Filled Academiss Writing) // Michigan Law Review. 2016. Vol. 114. No. 6. P. 39-48.
7. Kudinova T. A. Kriminal'nyi zhargon i problema kriminalizatsii yazyka // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 3. S. 20-23.
8. Zagraevskaya T. B. Areal'no-lokal'naya kharakteristika angloyazychnykh afroetnosotsiolektizmov kak sredstvo raskrytiya ikh genezisa // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 3. S. 61-66.
9. Ioakimidi G. A. Professionalizmy i slengovyie edinitsy sfery shou-biznesa v sovremennom angliiskom yazyke: strukturno-semanticheskii aspekt // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 4. S. 77-81.
10. Lomova N. A. Molodezhnyi sleng i ego status v sovremennoi russkoi yazykovoi kartine mira // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 1. S. 38-42.
11. Stoikov S. Sotsial'nye dialekty // Voprosy yazykoznaviya. 1957. № 1. S. 78-84.
12. Krysin L.P. Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka. M., 1989. 113 s.
13. Serebrennikov B. A. Territorial'naya i sotsial'naya differentsiatsiya yazyka // Obshchee yazykoznavie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. M., 1970. S. 452-501.
14. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 14 maya 2001 g. N F09-724/01-GK po delu N A50-11194/2000.
15. Seregina O. L., Filimonova N. Yu. Sintaksicheskaya i yazykovaya struktura iskovogo zayavleniya kak yuridicheskogo dokumenta // Vestnik VolGU. Seriya 5: Yurisprudentsiya. T. 1. № 5 (14). 2011. S.138-142.
16. Pigolkin A. S. Podgotovka proektov normativnykh aktov. M., 1968. 151 s.
17. Chistyakov D. V. Zhargonizmy kak yavlenie vtorichnoi nominatsii: na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka: dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.04. M., 2009. 205 s.
18. Shveitser A. D. Perevod i lingvistika. M., 1973. 251 c.
19. Vasil'eva N. V. [i dr.]. Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov / N. V. Vasil'eva, V. A. Vinogradov, A. M. Shakhrovich. M., 1995. 175 c.
20. Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika. M: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2001. 317 s.
21. Bedzir R. V., Alimuradov O. A. Elektronnaya baza dannykh professional'nykh zhargonizmov sluzhitelei pravoporyadka (russkii, angliiskii i ukrainskii yazyki). Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii bazy dannykh №2015621325 ot 27 avgusta 2015 g.

22. Mazneva Yu. A. K probleme kognitivno-semanticheskoi kharakterizatsii yuridicheskikh terminov-abbreviatur v sovremennom angliiskom yazyke // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 1. S. 177-181.
23. Mazneva Yu. A. Funktsional'naya priroda termina i osobennosti funktsionirovaniya angloyazychnykh yuridicheskikh terminov-abbreviatur v publitsisticheskom diskurse // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 4. S. 74-79.
24. Zabotkina V. I. Novaya leksika sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1989. 126 s.
25. Gak V. G. Semanticheskaya struktura slova kak komponent semanticheskoi struktury vyskazyvaniya // Semanticheskaya struktura slova. M.: Nauka, 1971. S. 52.
26. Nikitin M. V. Semantika metafory // Voprosy yazykoznavaniya. 1979. № 1. S. 40.
27. Mogorich. URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/Mogorich> (data obrashcheniya: 01.07.2016).
28. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. V. N. Yartsevoi. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 688 s.
29. Sudzilovskii G. A. Sleng – chto eto takoe? Angliiskaya prostorechnaya leksika. Anglo-russkii slovar' voennogo slenga. M.: Voenizdat, 1973. 182 s.
30. Sadr M. Semanticheskii sposob slovoobrazovaniya (na materiale proizvedenii A. P. Chekhova) // Sovremennaya filologiya v mezhdunarodnom prostranstve yazyka i kul'tury: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii (Astrakhanskii gosuniversitet 21 sentyabrya 2010-20 yanvarya 2011). Astrakhan', 2011. S. 143-146.
31. Arutyunova N. D. Yazykovaya metafora: sintaksis i leksika // Lingvistika i poetika. M., 1979. S. 147-173.
32. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vyssh. shk., 1990. 253 s.
33. Reibert.info. URL: <https://reibert.info/threads/policejskij-zhargon.280654/> (data obrashcheniya: 01.07.2016).
34. Police. The Law Enforcement Magazine. URL: <http://www.policemag.com/cop-slang/self-correcting-problem.aspx> (data obrashcheniya: 01.07.2016).
35. Militseiskii zhargon. URL: http://www.slovonovo.ru/tag/Militseiskii_zhargon (data obrashcheniya: 01.07.2016).
36. Militseiskii sleng. URL: http://expoliceman.ru/index/milicejskij_slehng/0-8 (data obrashcheniya: 01.07.2016).
37. Politseiskii zhargon. URL: <http://www.slovonovo.ru/chitat/stati/policejskij-zhargon.html> (data obrashcheniya: 01.07.2016).
38. Slengsotrudnikov politsii. URL: <http://www.slovonovo.ru/chitat/stati/sleng-sotrudnikov-policii.html> (data obrashcheniya: 01.07.2016).
39. Slang search.com. Crime Slang. URL: <http://www.slangsearch.com/crime.html> (data obrashcheniya: 01.07.2016).
40. Savvina L.V. Khudozhestvennaya kartina mira v muzyke vtoroi poloviny KhKh veka: k voprosu o strukturno-semanticheskikh invariantakh muzykal'nogo myshleniya // Kul'tura i iskusstvo. – 2014. – 4. – С. 457 – 466. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.4.12798.